

Громова Наталья Сергеевна

ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАВОВАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

В статье раскрываются характеристики вербального экстремизма как одного из видов экстремистской деятельности; определяется его место среди других проявлений экстремизма; формулируются его существенные признаки. Внимание акцентируется на анализе имманентных свойств вербального экстремизма как лингвоправового явления, понимание которого невозможно без междисциплинарного подхода. Автор рассматривает специфику распространения экстремистской информации и определяет круг наиболее серьезных проблем в процессе противодействия этому явлению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 51-55. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 343.41

Юридические науки

В статье раскрываются характеристики вербального экстремизма как одного из видов экстремистской деятельности; определяется его место среди других проявлений экстремизма; формулируются его существенные признаки. Внимание акцентируется на анализе имманентных свойств вербального экстремизма как лингвоправового явления, понимание которого невозможно без междисциплинарного подхода. Автор рассматривает специфику распространения экстремистской информации и определяет круг наиболее серьезных проблем в процессе противодействия этому явлению.

Ключевые слова и фразы: экстремизм; вербальный экстремизм; вербальные преступления; противодействие экстремизму; пропаганда; агитация.

Громова Наталья Сергеевна, к. филол. н., доцент
Уральский институт коммерции и права
gromovans@mail.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАВОВАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА[©]

Современные общественные отношения развиваются достаточно стремительно, появляются новые сферы интересов граждан, новые возможности реализации закрепленных конституцией прав и свобод, что неминуемо ведет к росту и новых видов правонарушений. В российском законодательстве в последние десятилетия все чаще появляются новые термины, такие как: экологические, информационные, виртуальные преступления. Активизация эксплуатации возможностей Интернета большим количеством пользователей привела к включению в научную парадигму и таких понятий как «интернет-мошенники», «кибер-преступления» и пр.

В связи с общественно-политическими трансформациями, ростом этно-религиозной напряженности, резкой социальной дифференциацией помимо новых форм преступных деяний усложняются или преобразуются уже известные. Одним из таких явлений стала экстремистская деятельность, где с привлечением новых технических возможностей и формированием специфических моделей взаимодействия людей пересматриваются устоявшиеся технологии воздействия на граждан и используются ранее не существовавшие каналы массового распространения вредоносной информации и способы осуществления запрещенной деятельности. Экстремизм, начавший с XX века представлять серьезную социальную опасность в мировом масштабе, к XXI веку, невзирая на активное противодействие со стороны отдельных государств и международного сообщества в целом, стал глобальной мировой проблемой.

Несмотря на глобальность проблемы, для каждого государства она имеет свои специфические характеристики, более высокие или низкие показатели экспансии экстремистской идеологии. По данным официального сайта МВД РФ, в 2015 году на территории нашего государства зарегистрировано 891 преступление террористического характера (+40,8%) и 830 преступлений экстремистской направленности (+30,5%) [17]. Рост более 30% явно указывает на актуальность проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации в условиях современного развития страны.

В связи с указанными выше факторами, задачами данного исследования являются определение имманентных характеристик экстремизма, указание специфических особенностей вербального экстремизма, актуализация значимости противодействия именно этому виду преступлений и разработка примерных схем профилактической деятельности на современном этапе развития России. Исследование базируется на методах сравнительно-правового, юрислингвистического, системного и формально-логического анализа.

В сфере массовой коммуникации слово «экстремизм» приобрело повышенную популярность и используется достаточно часто по отношению к разнополярным общественным проблемам и явлениям: правовым, социальным, политическим, культурным, гендерно-возрастным. В. Соловей справедливо указывает на то, что «в России появляется новая политическая мода: именовать любой эксцесс вне зависимости от его характера экстремизмом» [9, с. 35]. При этом в правовом плане «экстремизм» также не имеет четкого определения.

Конституция РФ не содержит прямых упоминаний о борьбе с экстремизмом, однако в части 2 статьи 29 используется термин «пропаганда» [14], который присутствует в профильном законе о противодействии экстремизму. Прямые упоминания об экстремизме и последствиях осуществления подобной деятельности содержатся в Уголовном Кодексе РФ: статья 280 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и статья 282 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Помимо этого, исходя из содержания Закона о противодействии экстремистской деятельности, пункт «е» части первой статьи 63 УК РФ также имеет отношение к экстремизму.

Непосредственным документом, призванным определить правовую природу экстремизма, является Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» [18], в котором не представлено четкой дефиниции, большее внимание уделяется списку признаков и характеристик данного явления. Правовые

характеристики экстремистской деятельности, указанные в статье 1 данного Закона, можно назвать достаточно разнообразными как по целевой направленности (от возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни, воспрепятствования осуществлению гражданами их избирательных прав до насильственного изменения основ конституционного строя в целом), так и по выбору средств (от финансирования и подстрекательства до пропаганды).

Важным с точки зрения толкования термина является установление отношений тождества между понятиями «экстремистская деятельность» и «экстремизм», поскольку одной из фундаментальных характеристик данного явления можно считать активное участие в осуществлении противозаконных действий. Под экстремистской деятельностью понимается достаточно широкий спектр действий от финансирования, публичных призывов, пропаганды до насильственных форм (терроризм). Однако такой широкий перечень хоть и обеспечил более пристальный контроль со стороны правоохранительных органов за различными сферами жизнедеятельности социума, но и породил определенный ряд проблем, связанных со слишком широкой или неоправданно узкой трактовкой закона правоприменителями. На практике складываются две антагонистические тенденции: в первом случае любое судебное дело о неугодной реализации прав и свобод человеком можно квалифицировать как экстремизм; во втором – сложно усмотреть признаки ведения именно экстремистской деятельности в каждом конкретном случае, поскольку они могут иметь и другую квалификацию (хулиганство, клевета и пр.).

На основании содержания рассматриваемого Закона и УК РФ, можем установить следующие формы проявления экстремизма: политическую, идеологическую, расовую, национальную, религиозную, социальную, языковую, этническую. И, следовательно, все остальные отсутствуют в правовом поле.

В аспекте постатейного рассмотрения Закона представляет интерес правовой анализ статьи 1, проведенный Е. Г. Чугановым [25], в котором исследователь находит сущностное соответствие формулировок ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и статей Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ. Такое тождество может означать, что первостепенным в определении специфики данного вида преступлений является выбор особого инструментария, средств осуществления незаконной деятельности.

Проведя градацию средств, мы можем выделить два их вида: невербальные и вербальные. К первому виду можно однозначно отнести осуществление насильственных действий по изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации; террористическую деятельность; публичное демонстрирование законодательно запрещенной атрибутики или символики; массовое распространение, изготовление или хранение в целях массового распространения заведомо экстремистских материалов; организацию и подготовку экстремистских деяний; финансирование или содействие в организации, подготовке и осуществлении экстремистской деятельности.

Ко второму – публичное оправдание терроризма; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; пропаганду законодательно запрещенной атрибутики или символики; публичные призывы к осуществлению указанных выше деяний; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность, в совершении им экстремистских деяний; подстрекательство к осуществлению экстремистских деяний.

Таким образом, на основании анализа содержания ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» можем отметить, что вербальная составляющая данной категории преступлений включает не менее половины от всех средств экстремистской деятельности. Необходимо упомянуть и смежный характер определенных видов экстремистской деятельности. Например, оказание информационных услуг может иметь как вербальный, так и невербальный характер: непосредственное создание экстремистских учебных и аналитических материалов и подготовка информационной кампании (вербальный) или предоставление информационных площадей в средствах массовой информации и организация широкого доступа к запрещенной информации (невербальный). К данной категории следует отнести и воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав, которое может выражаться в отсутствии возможности у избирателей посетить избирательный участок под угрозой смерти либо в виде словесной угрозы, либо вследствие нанесения увечий.

Характеризуя средства осуществления экстремистской деятельности, мы не можем не отметить, что экстремисты используют для достижения своей цели весь их комплекс: и вербальные, и невербальные. Экстремизм немислим без вербальной составляющей. Сложно предположить, что прежде чем перейти к насилию, потенциальный экстремист не ознакомится с письменными материалами, не выслушает позицию лидера, не пообщается со своими единомышленниками. Так, отсутствие вербальной активности в первой группе средств не говорит о самостоятельности совершаемых действий. Следовательно, вербальная часть присутствует в любом экстремистском деянии как самоцель (подстрекательство, пропаганда) либо как этап подготовки преступления.

Можно сделать вывод о том, что термин «вербальный экстремизм» отсутствует в законодательстве, но само его наличие, исходя из тех средств, на которые указывает Закон, является имманентной характеристикой экстремизма в целом, его составной частью, без которой не будет возможна реализация экстремистской деятельности.

В связи с неоднозначностью правовых формулировок следует обратиться к теоретическим исследованиям. Подобная тенденция присутствует и в научном сообществе: термин «экстремизм» сохраняет некоторую аморфность. Однако, несмотря на то, что наблюдается достаточно широкая трактовка термина, появляются обоснованные классификационные подходы и детальный видовой анализ, что в значительной степени позволяет интерпретировать рассматриваемые понятия и выделить их сущностные характеристики. Работы

в сфере изучения экстремистской деятельности и противодействия ей в рамках данного исследования условно разделим на две большие группы: концептуальные и эмпирические.

К первой категории мы отнесем труды ученых, связанные с сущностным исследованием явления экстремистской деятельности в целом, т.е. выявлением дефиниционных особенностей, правовой природы, составлением классификаций и определением градаций конкретных проявлений, проведением анализа общих закономерностей зарождения и бытования данной проблемы. К таким работам можно отнести коллективный труд А. И. Долговой, А. Я. Гуськова, Е. Г. Чуганова [9], в котором представлен системный анализ экстремизма от терминологических нюансов до способов противодействия, уделяется особое внимание проведению экспертиз экстремистских материалов. Также коллективной является работа А. Р. Ратинова, М. В. Кроза, Н. А. Ратиновой [20], в которой авторы актуализируют психолого-правовые характеристики изучаемого явления и стремятся объединить теоретико-правовые и практические подходы в диагностике экстремизма. Помимо этого, заслуживают внимания работы В. Кашепова [12], В. В. Лунеева [16], Е. В. Сальникова [21] и др.

Можно отметить, что к анализу экстремизма как явления обращаются представители совершенно разных научных направлений. Например, А. А. Хоровинников [24] рассматривает экстремизм как социальное явление с философских позиций, определяя его вариативность (политическую, национальную, культурную) через социальную детерминацию. Именно такой междисциплинарный подход позволяет автору сформулировать определение экстремизма как сложного социально-идеологического явления. Авторы Ю. А. Зубок, В. И. Чупров [10] при определении характеристики молодежного экстремизма обращаются к психолого-социальному подходу.

Ко второй группе можно отнести аналитические труды, базирующиеся на исследованиях отдельных феноменов, представляющих собой самостоятельные явления и имеющих специфические особенности, требующих детального изучения. Наиболее часто ученые обращаются к рассмотрению «молодежного экстремизма», что является вполне оправданным, т.к., по результатам исследований А. В. Серикова [22], экстремизм «молодеет»: наиболее часто совершают преступления молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет. Специфику молодежного экстремизма анализируют такие ученые как Н. Б. Бааль [3], А. А. Козлов [13], Р. О. Кочергин [15], С. Н. Фридинский [23]. Также, учитывая многонациональность нашего государства, перед научным сообществом встает вопрос о религиозном экстремизме. Ученые устанавливают доминанты религиозного экстремизма [6], особенности экстремистской религиозной идеологии [11], выделяют эндогенные и экзогенные группы детерминантов религиозного экстремизма [1].

Особое место занимает вербальный экстремизм, поскольку в рамках данного феномена анализу подлежит не целевая установка субъекта экстремистской деятельности, а собственно один из его основных инструментов – слово. Проблема в идентификации истинного смысла высказывания, определение коммуникативных задач автора, потенциальных реакций адресата переводит рассмотрение вопроса из сугубо правового поля в сферу юрислингвистики. Именно в этом ключе исследования необходимо обратиться к понятию «вербального (или словесного) экстремизма», которое используется в работах междисциплинарной направленности М. В. Аблина [2], Е. И. Галяшиной [7], Б. Н. Пантелеева [19], А. Л. Южаниновой [26] и др.

Вербальный экстремизм как явление имеет правовые характеристики и обладает своими уникальными особенностями, которые требуют внимательного изучения с целью выявления способов противодействия экстремистской деятельности. Сам термин уже свидетельствует об объединении характеристик экстремизма в целом и категории речевых преступлений.

Под экстремизмом понимают «приверженность к крайним взглядам, мерам» [4, с. 1547], что можно трактовать достаточно широко. Сужая понятие, мы определим его так: это деятельность субъектов (лиц или их объединений), основанная на приверженности к радикальным взглядам, сопровождающаяся противоправными действиями, направленными на умаление или отрицание конституционных принципов. Используя теорию А. М. Кадиевой [11], определим три элемента, которые свойственны экстремизму как институту: экстремистская идеология, экстремистская деятельность, экстремистская организация. Дополнив данную формулировку, мы можем поставить пять главных вопросов, которые должны быть ключевыми при определении деяния в качестве экстремистского: кто, что, как, против кого и с какой целью? Определяя доминанты вербального экстремизма, мы должны охарактеризовать каждый из пяти элементов.

При анализе экстремизма в целом уместно говорить о некоем злоумышленнике или их группе (кто – субъект), которые совершают противоправные действия (что – действие), сопряженные с осознанным ущемлением прав граждан (как – средства) и направленные против общества (против кого – объект) во имя какого-либо идеала (цель – идеология). Так, если человек в течение нескольких месяцев готовил взрывчатку, изучал местность, разместил взрывное устройство на площади во время массового скопления населения с целью убить людей, то вряд ли мы можем сказать, что это было случайно. Следовательно, можно без сомнения определить все пять элементов: злоумышленник (поскольку осознанно готовил общественно опасное вещество); противозаконные средства (знал, что продажа запрещена законом); осознанное ущемление права человека на жизнь (заранее разместил); против общественной безопасности (массовое скопление людей); ради чего-то (уничтожение людей определенной категории).

Но если человек в Интернете под вымышленным именем полгода жаловался на жизнь, призывал всех выйти на эту самую площадь с целью проведения несанкционированного митинга, то можем ли мы утверждать, что это было спланировано, и является ли данное действие экстремистским? Нет, мы не можем однозначно проследить взаимосвязь данных фактов. Именно в этом принципиальное отличие дела от слова.

Когда мы говорим о вербальном экстремизме, то не можем четко определить все компоненты, поскольку это не конкретное действие, а процесс. Невербальные средства экстремистской деятельности – это конкретные действия, которые имеют значение только одномоментно, вербальные – это процесс, который может иметь отложенную цель и длительную реализацию. В частности, нарушение избирательных прав гражданина путем уничтожения избирательного участка произойдет только в момент избирательного процесса. Даже если экстремисты готовились к этому пять лет, но правоохранительные органы смогли это предотвратить, то действие не состоялось, и экстремистская деятельность никак не повлияла на общество. При этом осуществление пропаганды не имеет такого критерия – это процесс, его нельзя прекратить, изъяв экстремистские материалы или изолировав пропагандистов, т.к. механизм уже запущен и не прекратится под влиянием внешних факторов воздействия: в умах людей уже есть экстремистская информация, и ее нельзя изъять оттуда.

Поэтому, определяя характеристики вербального экстремизма, необходимо установить его принадлежность к категории речевых (или вербальных) преступлений, которые являются достаточно распространенными в современном обществе: клевета, оскорбление, диффамации, распространение закрытой или личной информации.

В рамках классификации вербального экстремизма можно говорить о разных его проявлениях, определяемых набором используемых средств. В частности, однонаправленном и полинаправленном; эксплицитном и имплицитном, пропагандистском и агитационном и др. [8, с. 152-157]. Каждый из видов имеет свои особенности, но можно выделить общие маркеры для вербального экстремизма в целом.

Во-первых, наиболее значимой характеристикой его является абстрактность. Как мы определили выше, поскольку нет конкретного четко выраженного действия, то нет и видимого результата, а значит – отсутствует предмет рассмотрения с правовой точки зрения. Если нет нарушения закона, то нет и необходимости искать виновного. Среди современных форм выражения экстремистской идеологии сокращается прямая агитация, с помощью которой экстремисты открыто призывают совершать противозаконные действия. Имплицитные формы в виде пропаганды более распространены, т.к. они действеннее. Спецификой пропаганды можно считать невыявленность ее конечной цели, а следовательно, абстрактность возможных последствий, что затрудняет противодействие ей.

Во-вторых, повышенный эмоциональный фон передаваемой информации, способствующий восприятию передаваемых адресантом данных. При осуществлении пропаганды экстремистских идей и вербовке последователей чаще всего применяются особые методы не только нейролингвистического программирования и речевого зомбирования, но и просто эмоционального воздействия. Отсутствие рациональных доводов заменяется эмоциональностью способов и средств ретрансляции информации, что приводит к более ускоренному процессу принятия сообщения, поскольку не нужно тратить время на осознание логических связей. При этом отсутствие конкретных доказуемых фактов затрудняет возможность опровержения утверждений, воспринимаемых как аксиом.

В-третьих, самым опасным свойством вербального экстремизма является псевдоневовлеченность в его распространение. Можно говорить об отложенном действии вербального экстремизма, т.е. адресант провел определенную работу со своими адресатами, но никаких общественных потрясений нет, адресаты не видят никаких ущемлений своих прав и спокойно продолжают быть законопослушными гражданами ровно до того момента, как они усомнятся в справедливости по отношению к ним. Следовательно, потенциально каждый человек, получивший когда-то определенный набор экстремистской информации, может стать либо ее ретранслятором, либо ее исполнителем. При этом стоит понимать, что после «точки невозврата» бороться с идеологией уже невозможно, нужно будет только противодействовать ее проявлениям.

Таким образом, можем подвести итоги исследования.

Вербальный экстремизм является имманентной характеристикой экстремистской деятельности, без вербальной активности в современном социуме не представляется возможным наладить коммуникацию и использовать другие средства, угрожающие общественной безопасности.

В законодательстве термин «вербальный экстремизм» не присутствует, но вербальные средства экстремистской деятельности перечислены достаточно подробно в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», также оговаривается применение уголовной ответственности к правонарушителям, что явно свидетельствует о правовой природе данного явления.

Вербальный экстремизм можно определить как самостоятельный вид преступлений – лингвоправовой, поскольку только в правовом поле не представляется возможным установить все его существенные характеристики, данный вид преступлений четко не изолирован от всех остальных нарушений закона в сфере речевой деятельности. Вербальный экстремизм – это организованный особым образом информационный поток, борьба с которым сводится к контролю над информацией, что в совокупности с чрезмерно жесткой государственной политикой может стать нарушением конституционных прав человека.

Говоря об экстремизме, мы должны отметить, что формы его существования различны, но последствия одинаково губительны как для государства, так и для общества. При этом если от невербальных действий последствия наступают строго определенные и, как правило, достаточно быстро, то результаты вербальной экстремистской деятельности могут быть не очевидны вплоть до появления разнообразных и достаточно серьезных признаков экстремизма. Речь предшествует поступкам, поэтому при правильной организации профилактики экстремистской деятельности первичной должна стать борьба именно с вербальным экстремизмом, что позволит не допустить распространения экстремистской идеологии и избежать разрушительных последствий экстремизма.

Список литературы

1. **Абдулганеев Р. Р.** Детерминирующие факторы религиозного экстремизма и их предупреждение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18). Ч. 2. С. 13-16.
2. **Аблин М. В.** Экстремизм и экстремистские материалы в юрислингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 36 (290). С. 5-8.
3. **Бааль Н. Б.** Молодежные экстремистские организации в постсоветской России // История государства и права. 2007. № 11. С. 7-9.
4. **Большой энциклопедический словарь** / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1993. 1628 с.
5. **Борисов С. В.** Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19. С. 10-12.
6. **Бурковская В. А.** Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005. 216 с.
7. **Галяшина Е. И.** Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. М. В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006. 96 с.
8. **Громова Н. С.** Свобода слова и вербальный экстремизм в России: лингво-правовой аспект: монография. Екатеринбург: Уральский институт коммерции и права, 2015. 200 с.
9. **Долгова А. И., Гуськов А. Я., Чуганов Е. Г.** Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 244 с.
10. **Зубок Ю. А., Чупров В. И.** Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления (с продолжением) // Социс. 2008. № 5. С. 37-47.
11. **Кадиева А. М.** Религиозный экстремизм: сущность, причины, пути преодоления: дисс. ... к. филос. н. Махачкала, 2008. 190 с.
12. **Кашепов В.** Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2009. № 1. С. 30-34.
13. **Козлов А. А.** Молодежный экстремизм. СПб.: Питер, 2008. 498 с.
14. **Конституция Российской Федерации** (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2014. № 31. Ст. 4398.
15. **Кочергин Р. О.** Некоторые криминологические аспекты противодействия молодежному экстремизму в России // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2008. № 1. С. 63-67.
16. **Лунеев В. В.** Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2. С. 29-37.
17. **Министерство внутренних дел Российской Федерации** [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 22.08.2015).
18. **О противодействии экстремистской деятельности:** Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) // Российская газета. 2002. 30 июля.
19. **Пантелеев Б. Н.** Объективная критика или вербальный экстремизм // ЭЖ-Юрист. 2011. № 29. С. 1-3.
20. **Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А.** Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика / под ред. А. Р. Ратинова. М.: Юрлитинформ, 2005. 256 с.
21. **Сальников Е. В.** Трансформация категории экстремизма как становление современной политической преступности // Безопасность бизнеса. 2008. № 4. С. 2-5.
22. **Сериков А. В.** Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской области): дисс. ... к. соц. н. Ростов-на-Дону, 2005. 159 с.
23. **Фридинский С. Н.** Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. № 6. С. 4-9.
24. **Хоровинников А. А.** Экстремизм как социальное явление (философский анализ): дисс. ... к. филос. н. Саратов, 2007. 201 с.
25. **Чуганов Е. Г.** Экстремизм: проблемы уголовной политики // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 5-11.
26. **Южанинова А. Л.** Вопросы методики судебной психологической экспертизы вербального экстремизма // Судебная экспертиза. 2008. № 3. С. 43-50.

VERBAL EXTREMISM AS A SPECIAL KIND OF CRIMES: LEGAL AND LINGUISTIC NATURE

Gromova Natal'ya Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ural Commerce and Law Institute
gromovans@mail.ru

The article considers the characteristics of verbal extremism as one of the kinds of extremist activity; its place among other manifestations of extremism is determined; its essential features are formulated. Attention is drawn to the analysis of the immanent properties of verbal extremism as a linguo-legal phenomenon, the comprehension of which is impossible without interdisciplinary approach. The author examines the specificity of the spread of extremist information and defines the range of the most serious problems in the process of counteracting this phenomenon.

Key words and phrases: extremism; verbal extremism; verbal crimes; extremism counteracting; propaganda; agitation.